

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2025-3-70-77

**ХРОНОТОП ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ
В РОМАНЕ Н. АБГАРЯН «МАНЮНЯ» (1-я КНИГА)**

© **Кравкль Полина Евгеньевна**
назависимый исследователь
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8
kravklpolina@gmail.com

© **Меркулова Ольга Николаевна**
кандидат филологических наук,
Иркутский государственный университет
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8
olzame@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу хронотопа автобиографического повествователя в романе Н. Абгарян «Манюня» (книга 1). Авторы данной работы рассматривают особенности построения времени и пространства в тексте, опираясь на концепцию М. М. Бахтина, а также современные исследования автобиографической прозы. В центре внимания — фигура повествователя, который одновременно выступает участником событий прошлого и их рассказчиком, вступая в сложные пространственно-временные отношения с персонажем, читателем и автором-творцом. В статье уделяется внимание нелинейной композиции романа: главы представляют собой отдельные воспоминания, не связанные единой сюжетной линией, что сближает структуру историй в «Манюне» с жанром анекдота. Языковая игра, ироническая модальность и живой диалог с читателем подтверждают эту аналогию. В статье делается вывод, что хронотопическая подвижность повествователя, его взаимодействие с разными уровнями текста формируют уникальное жанровое своеобразие произведения, а также способствуют созданию мифа о детстве и советском прошлом.

Ключевые слова: хронотоп, изображающий хронотоп, изображенный хронотоп, автобиографический повествователь, автор-творец, ирония, модус, идилия, анекдот.

Для цитирования

Кравкль П. Е., Меркулова О. Н. Хронотоп повествователя в романе Н. Абгарян «Манюня» (1-я книга) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 3. С. 70–77.

Введение

Актуальность исследования современной автобиографической прозы продиктована сложностью соотношения формально-семантических структур жанра (документализм / вымысел, автор / герой и др.) и его трансформацией в современном литературном процессе.

Анализируя классическую автобиографию, М. М. Бахтин писал об особом «типе биографического времени и новом специфически построенном образе человека, проходящего свой жизненный путь» [2, с. 167]. Фокус внимания, по мнению ученого, всегда остается на человеке, становлении его как личности. Однако авторы монографии «Имена и стратегии современной автобиографической прозы» Ольга Богданова и Цзяо Ван говорят о нарушении хронологии повествования в сегодняшних автобиографических произведениях, когда практически невозможно уловить динамику формирования героя [3, с. 8], что и происходит, на наш взгляд, в романе современной российской писательницы армянского происхождения Н. Абгарян «Манюня» (2010 г.).

В «Манюне» повествование выстраивается нелинейным образом. Каждая глава — это воспоминание автобиографического повествователя о каком-то событии из детства. Главы не связаны между собой сюжетной нитью. Читатель может открыть любую и познакомиться с историей без опоры на общий контекст романа, доказательством чему служат публикации отдельных глав из «Манюни» (например, книга для детей, вышедшая в издательстве АСТ в 2024 г., «Манюня едет на концерт»). Следовательно, в повествовании не делается акцент на процессе поэтапного становления и взросления героев, столь характерном для биографического жанра. Авторская рефлексия, как кажется, направлена на достижение иной цели — изображении способа общения автора с адресатом, создании мифа о детстве, советском времени, стране.

Цель исследования — рассмотреть структуру автобиографического повествователя, специфика которого, как известно, состоит в том, что он одновременно является и участником событий прошлого, и рассказчиком о них.

Н. А. Николина в учебном пособии «Поэтика русской автобиографической прозы» пишет: «Подход к прозаическому тексту как к речевому произведению, моделирующему определенную коммуникативную ситуацию, требует рассмотрения временной перспективы текста. Это “словесная фиксация пространственно-временных отношений описываемого события к описываемому субъекту (автору)”» [6, с. 272]. Таким образом, фигура автобиографического повествователя будет рассмотрена в его хронотопических взаимоотношениях с героем, читателем и автором-творцом — таковы задачи и, соответственно, метод исследования.

Хронотоп в данной работе понимается так, как его определяет М. М. Бахтин. В качестве главных характеристик хронотопа исследователь выделяет изобразительное, сюжетообразующее начала и эмоционально-ценностную интенсивность [2].

Результаты

Повествователь — герой

Писатели автобиографического жанра постигают собственное «я» в прошлом и настоящем. В тексте романа «Манюня» реализуется «я» автора-повествователя, который является «субъектом непосредственного действия или состояния в прошлом» [6, с. 103]. В хронотопическом ракурсе здесь происходит взаимодействие

изображенного хронотопа персонажа с изображающим хронотопом повествователя. Автобиографический повествователь стремится к объективной передаче минувших событий, достоверно воспроизводя речи, мысли, чувства героев, апеллируя к памяти и оставшимся предметам, хранящим воспоминания. Недаром самой характерной чертой автобиографической прозы считается степень его достоверности, то есть возможности документального подтверждения того, о чем говорится [3, с. 7]. В этом случае читателю открывается точка зрения ребенка, который удивляется миру, принимает или не принимает его, а непростая языковая структура романа демонстрирует язык воспоминаний героя-ребенка (например, записки, открытки, устная речь).

Однако между автобиографическим повествователем и героем всегда существует пространственно-временная разница. Она проявляется в соотношении разных точек зрения: настоящее «я» автора-повествователя смотрит на свое детское несформированное «я» в прошлом. Следовательно, в «Манюне» предстает и всеведущий повествователь — тот, кто действует в плане «события самого рассказывания» [Цит. по: 3 с. 37]. В тексте мы наблюдаем рефлексии повествователя как той самой фигуры, которая в пространственно-временном отношении отстранена от своего героя и находится над изображенным событием. Исследователи О. Богданова и Ц. Ван считают, что хронотоп повествователя основывается на времени эпическом, которое внедряется в «частное» время персонажа через описания, обобщения, рассуждения, переводя его во вневременной регистр [Там же, с. 38].

В главе «Манюня влюбилась, день последний, или здравствуй, грусть» рассказывается о том, как подружка Нарки Манюня влюбляется, однако все заканчивается разочарованием: «Маленьким девочкам иногда бывает очень больно на душе. Эта боль не идет ни в какое сравнение с болью физической. Эту боль не сопоставить ни с подзатыльником от дяди Миши, ни со шлепком по попе от мамы, ни с грозным окриком моего отца, ни с разрушительным наказанием разъяренной Ба. Эту внезапную боль, словно темную страшную жижу, нужно нести в себе тихо-тихо и под ноги обязательно смотреть, чтобы не оступиться. Потому что откуда-то ты знаешь — боль эту расплескивать нельзя. И ты бредешь слепым котеночком сквозь темноту, потом останавливаешься, прислушаешься к себе — болит? Болит, отзывается душа. И ты тихонечко идешь дальше» [1, с. 104].

Кроме того, повествователь в произведении часто субъект иронизирующий, что еще раз акцентирует его пространственно-временную отдаленность от героя. Н. А. Николина, анализируя типы экспрессий в автобиографической прозе, пишет об усилении иронического контекста при ярко выраженном несовпадении точек зрения автора-повествователя в прошлом и настоящем [6, с. 139], что, как нам кажется, и происходит в «Манюне».

Говоря об иронии, следует заметить, что она не несет осуждающего значения, а скорее, используется для создания смешного контекста, чтобы показать контраст сознаний юной Нарки и Наринэ, выступающей в роли повествователя.

Л. Г. Кихней и О. И. Осипова в статье «Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян “Манюня”» также отмечают, что ирония в произведении лишена дискредитирующей функции, а выражает, прежде всего, игровую природу языка [5].

Таким образом, повествователь в пространственно-временных отношениях к герою, с одной стороны, обладает тягой к совпадению с его хронотопом, с другой — наделен свободой перемещения во времени и пространстве. Язык романа при этом демонстрирует не просто соединение детской и взрослой точек зрения, а как будто выстраивает пространственно-временной континуум из непосредственных детских переживаний, курьезов, радостей, взрослой боли, надежд и чаяний каждого читающего.

Повествователь — читатель

В пространственно-временных отношениях автобиографический повествователь вступает с читателем в диалог в настоящем времени, используя определенные речевые конструкции, такие как местоименные наречия (индексальные элементы), например: «Я не буду *сейчас* (курсив наш. — П. К. и О. М.) вам рассказывать в подробностях, какой мощи пароксизм истерического хохота согнул моих родителей при виде наших голубых черепов» [1, с. 43]. Так в «Манюне» происходит имитация устной коммуникации, поэтому повествователь намеренно как бы помещает себя и читателя в одну пространственно-временную плоскость.

Фигура повествователя как описывающего субъекта часто обращается к читателю и дает комментарий описываемому им действию. Помимо этого, на уровне всего текста используются местоимения 2-го лица множественного числа. Автор-повествователь выстраивает с читателем не только приятельский непринужденный диалог, но и выступает в качестве субъекта перформативного высказывания, то есть высказывания, являющегося одновременно действием. В основе такого речевого поведения, как правило, лежит желание воздействовать или производить впечатление на других.

Итак, имитация устной формы коммуникации (живость изложения рассказчика), перформативность высказывания, иронический игровой контекст повествования, композиционная фрагментарность, акцент на самом событии, а не на внутренних переживаниях героя, дают право говорить о сближении автобиографических историй в «Манюне» с жанром анекдота. Анекдотом называется «самодостаточный компактный текст с наличием сюжетной линии и неожиданной остроумной развязки в конце, который может функционировать как в рамках макротекста, так и независимо от него» [10, с. 73]. В словаре актуальных терминов и понятий под редакцией Н. Д. Тмарченко приводится определение, в котором совпадение интересов и взаимное доверие рассказчика и слушателей отмечаются в качестве основополагающих черт анекдота [8, с. 22].

Описывая комическую природу этого жанра, исследователи сходятся во мнении, что смешное содержится в самом языке [10, с. 94], то есть языковая игра и

составляет сюжет анекдота [7, с. 101], когда разницы между «что» и «как» практически не существует [7, с. 102]. Так язык повествования в «Манюне» становится одним из «главных героев» произведения.

Основной функцией анекдота считается развлечение [9], однако некоторые исследователи говорят о наличии дидактики [4], а также снятии напряжения при помощи смеха [7]. Следовательно, в «Манюне» центром, ядром повествования является автобиографический рассказчик, создающий уникальную коммуникативную ситуацию, в которую вовлекаются и взрослые, и дети.

Повествователь — автор-творец

Жанровой особенностью автобиографической прозы, как известно, является максимальная близость повествователя к автору. Но, несмотря на эту близость, автор-творец все же существует над временем повествователя, то есть вне изображенного мира.

Хронологически отношения автора и автобиографического повествователя — это взаимодействие изображающего (автор) и изображенного хронотопов. Так, автор-творец выбирает, в какой манере повествователь будет излагать события и в какой последовательности. В нашем случае повествование несет по преимуществу иронический характер, а главы расположены таким образом, чтобы они имитировали ту самую разрозненность воспоминаний, характерную для человеческой памяти.

В свою очередь, фигура повествователя существует над временем и пространством героя. Он не входит в персонажную систему романа, а находится в рамках событий самого рассказывания, давая оценку происходящему. Повествователь и герой являются внутритекстовым воплощением автора.

Автор-творец — фигура в пространственно-временном отношении, отстоящая от повествователя и героя, не совпадающая с ними, находящаяся вне изображенных событий. Именно авторской волей формируется миф о детстве. Так эпиграф ко всему произведению «Маме и папе — с чувством бесконечной любви и благодарности» композиционно перекликается со строчками из вступления о том, что «Манюня» — это повествование о советском времени, в котором, несмотря на страшный дефицит и ограничения, люди умели радоваться жизни [1, с. 11], и отзывается в завершающих первую книгу словах: «Я навсегда запомнила тот июнь <...> и дни, когда мы все были вместе и ни одному нормальному человеку не было дела до того, грузин ты, русский, еврей, украинец или армянин, и, казалось, что так будет всегда и этой дружбе нет конца и края.

Я ни к чему вас не призываю.

Я прошу вас остановиться на минуту и вспомнить, как это прекрасно — просто дружить.

Вот так должно быть сейчас. И завтра. И послезавтра. Всегда.

Спасибо» [Там же, с. 310].

Общий эмоциональный тон этих «рамочных» цитат настраивает на положительные эмоции от прочитанного и формирует идиллическую модальность всей первой книги о Манюне.

Заключение

Повествователь в автобиографическом произведении Н. Абгарян «Манюня» (книга 1) — центральная художественная структура, которая вступает в пространственно-временные отношения с автором-творцом, читателем, персонажем. Фигура автобиографического повествователя хронотопически сложная и подвижная. Взаимодействие неоднородных пространственно-временных планов повествователя и героя формируется следующим образом: желание объективно представить события детства задает вектор сближения хронотопов повествователя и героя (на основе памяти), который всегда «подсекается» хронотопическим планом всеведущего взрослого. Так рождается непростая языковая структура произведения, представляющая синтез языка ребенка и взрослого.

Ориентация рассказчика на читателя ведет как будто к совпадению их хронотопов. Иллюзия одинаковости пространственно-временных планов создается эффектом живого общения, перенося акцент с самого события на событие рассказывания. Так формируется специфическая речевая ситуация, по преимуществу иронической модальности, напоминающая анекдот. Происходит высвобождение энергии через смех, возникает развлекательный момент. Это объясняет интерес к «Манюне» самой широкой аудитории в численном и возрастном плане.

Автор-творец же хронотопически охватывает все и всех. Его изображающий хронотоп проявляется в формировании общей картины мира, органичной самой целостности бытия. Архитектоническим образом такого мира становится бахтинский идиллический хронотоп родного дома, расширенного в «Манюне» до границ многонациональной советской страны.

Таким образом, хронотоп повествователя становится связующим, обеспечивающим сочетание, взаимодействие, диалог хронотопов, их живую связь. Он организует авторское присутствие в тексте как некоторой языковой личности и определяет жанровое своеобразие произведения.

«Манюня» Н. Абгарян — автобиографический роман, соединяющий в себе серьезное и развлекательное, живой смех и тихую грусть. С одной стороны, в произведении фрагментарно представлена история взросления Манюни и Нарки, с другой — создается всеохватная картина советского прошлого, заставляя ностальгировать не одно поколение читателей. Противопоставляя дискретному, нестабильному, быстро меняющемуся современному миру ценности дружбы, семьи, этот роман создает миф о детстве, времени, стране.

Литература

1. Абгарян Н. Манюня. Все приключения Манюни, смешные и невероятные. Москва: Полиграфиздат; Санкт-Петербург: Астрель-СПб, 2011. 602 с. Текст: непосредственный.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература, 1986. С. 121–290. Текст: непосредственный.

3. Богданова О. В., Ван Ц. Имена и стратегии современной автобиографической прозы (Р. Киреев, А. Чудаков, Р. Сенчин). Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. 170 с. Текст: непосредственный.
4. Буркин А. Л. Дополнения к разысканиям в области анекдотической литературы. URL: <https://aesthetica.narod.ru/anekdotos.htm> (дата обращения: 11.06.2025). Текст: электронный.
5. Кихней Л. Г., Осипова О. И. Структура автобиографического повествования в романной трилогии Н. Абгарян «Манюня» // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение, журналистика. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-avtobiograficheskogo-povestvovaniya-v-romannoy-trilogii-n-abgaryan-manyunya> (дата обращения: 14.05.2025). Текст: электронный.
6. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2002. 424 с. Текст: непосредственный.
7. Руднев В. Прагматика анекдота // Даугава. 1990. № 6. С. 99–103. URL: https://imwerden.de/pdf/daugava_1990_06__ocr.pdf (дата обращения: 11.06.2025). Текст: электронный.
8. Тамарченко Н. Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под редакцией Н. Д. Тамарченко. Москва: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 22. Текст: непосредственный.
9. Фефелова Г. Г. Композиционные и структурные характеристики текста анекдота. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompozitsionnye-i-strukturnye-harakteristiki-teksta-anekdota> (дата обращения: 11.06.2025). Текст: электронный.
10. Шмелева Е. Я. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. Москва: Языки славян. культуры, 2002. 143 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 16.10.2025.

THE CHRONOTOPE OF THE NARRATOR IN
N. ABGARYAN'S NOVEL *MANYUNYA* (BOOK 1)

Polina E. Kravkl
Independent Researcher
8 Lenina St., 664025 Irkutsk, Russia
kravklpolina@gmail.com

Olga N. Merkulova
Cand. Sci. (Philology)
Irkutsk State University
8 Lenina St., 664025 Irkutsk, Russia
olzame@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the chronotope of the autobiographical narrator in N. Abgaryan's novel *Manyunya* (Book 1). The authors examine the features of the construction of time and space in the text, drawing on M. M. Bakhtin's concept of the chronotope as well as contemporary research on autobiographical prose. The focus is on the figure of the narrator, who simultaneously participates in past events and recounts them, engaging in complex spatiotemporal relationships with the character, the reader, and the author-creator. The article pays special attention to the nonlinear composition of the novel: the chapters consist of separate memories, not linked by a single plotline, which brings the structure of the stories in *Manyunya* closer to the anecdotal genre. Linguistic play, ironic modality, and lively dialogue with the reader reinforce this analogy. The study concludes that the narrator's chronotopic mobility and interaction with various levels of the text create a unique genre specificity for the work, while also contributing to the construction of the myth of childhood and the Soviet past.

Keywords: chronotope, narrative chronotope, represented chronotope, autobiographical narrator, author-creator, irony, modality, idyll, anecdote.

For citation

Kravkl P. E., Merkulova O. N. The Chronotope of the Narrator in N. Abgaryan's Novel *Manyunya* (Book 1). *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 3: 70–77 (in Russ).

The article was submitted 18.06.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 16.10.2025.